

УДК 1 (091) + 16

ТРАВЕЛОГ ДУШИ С. ГРОФА: ОТ НАУКИ К ВЕРОУЧЕНИЮ

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

Сравнительному анализу подвергнуты различные этапы творческого пути широко известного ныне психолога и философа С. Грофа, решительно вторгающегося в круг методологических проблем современного познания и предлагающего целый ряд новаций в понимании того, что такое психика, сознание, бессознательное, научное и вненаучное познание. Научной и образовательной общественности импонирует его образ вдумчивого исследователя, соединяющего остроту теоретических прозрений с тщательной технологичной практикой. Имя Грофа сегодня ассоциируется с «картографией областей человеческого бессознательного», «измененными состояниями сознания», практикой «холотропного дыхания», проектами органического соединения рационально-теоретического и эзотерического способов познания, «трансперсональной психологией». В то же время эволюция С. Грофа от принятого в научном мире этоса осторожной критичности в оценке как феноменов вненаучного знания и тем более – результатов эзотерических практик, так и психологических экспериментов – к широким и неизбежно вольным обобщениям и произвольным допущениям озадачивает и настораживает научное сообщество. Новоиспеченные адепты «холотропного» дыхания и «расширения сознания» начинают придавать «трансперсональной психологии» черты сектантского вероучения, которое с легкостью «скрещивает» науку и эзотерические практики, квантовую физику и религиозно-мифологическое сознание. Очевидным образом производится дискредитация имиджа серьезного ученого, с которым вступил на научное поприще С. Гроф, превращение первых, крайне осторожных попыток исследования столь сложной материи как психика и бессознательное – в поп-науку, шоу-бизнес, в потакание низменным вкусам маргинальных слоев общества.

Ключевые слова:

психика, сознание, бессознательное, психология, трансперсональная психология, холотропное дыхание, эзотерическое и мифологическое сознание.

Сегодня имя и идеи С. Грофа – основателя так называемой «трансперсональной психологии» хорошо известно в нашей стране не только психологам и философам, но и достаточно широким слоям «продвинутой» в различных современных учениях общественности [11; 25; 26]. Активно издаются и переводятся

на русский язык его книги [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22], необычайно широкое распространение приобретают предлагаемые им практики так называемого «холотропного дыхания». Он выдвинул гипотезу о том, что множество состояний, характеризующихся медиками как психозы, в действительности представляют собой

«кризисы духовного роста и психодуховной трансформации». Его весьма смелые, – если не сказать дерзкие, – проекты соединения мифа и науки, рационально-теоретического и эзотерического способов познания, «расширения» сознания и «опыта переживания» постоянно провоцируют острые дискуссии [23; 28; 36]. Он почетный член Российского психологического общества, в 2007 году Станиславу Грофу было присвоено звание почётного профессора Московского государственного университета.

Начнем с разъяснения: что такое травелог и причем он здесь?

Травелог – или повествование о различных реальных или вымышленных путешествиях в пространстве и времени, – представлен огромным многообразием видов и жанров: перед взором всякого исследователя встает целый материк так называемой «Литературы путешествий» [12], и мы узнаем, что собственно термин «травелог» впервые ввел в обращение американский путешественник, фотограф и кинооператор Б. Холмс (Burton Holmes (1870–1958)) [2]. В 1904 г. Бартон Холмс придумал термин Travelogue для обозначения жанра литературы путешествий. В конце XX – начале XXI в. этот термин проникает в русскую литературу [24; 28; 30; 31; 32; 33; 37].

Травелог – это форма творческого субъективно-чувственного освоения физического или психического пространства путем перемещения в нем [24; 32; 33]. Для травелога обязательны: а) феномен наррации, сказовости, повествования (рассказа) о путешествии. Здесь реализуется субъективно-творческий компонент его: от предельной фантазии (выдумки и мистификации) до столь же скрупулезной фиксации достоверно устанавливаемых фактов освоения перемещений в физическом или психическом пространстве (отчеты экспедиций и экспериментов); б) обязателен феномен перемещения, движения субъекта (даже если он отслеживает перемещения объекта) – как в собственном смысле перемещения

в пространстве-времени, так и мысленное воспроизведение любых перемен в наблюдаемых объектах (от объектов неживой и живой природы до психических процессов иных субъектов), т. е. значимое для субъекта травелога (наррации) перемещение, изменение себя самого или иных объектов для (причем, реальное или вымышленное, фантастическое) – опять-таки для самого субъекта наррации; в) отсюда – обязательная структура травелога: Путник-Путь-Подвиг [30].

В одной из книг С. Гроф так и говорит: «В этой книге я пытаюсь суммировать философский и духовный опыт моего сорокалетнего личного и профессионального пути, включающего исследование неизведанных границ человеческой психики. Это было сложное и нелегкое странствие, порой весьма спорное, и в одиночку я бы в него не отправился» [19, с. 3].

Здесь уместно пояснить, что термин «травелог» и тем более – в применении к анализу творческого пути С. Грофа употребляется не в качестве категории или понятия, а как концепт. Лингвокультурологический поворот в современном гуманитарном познании дал богатый материал философско-методологическим исследованиям [14; 27]. «Слово «концепт» в протерминологической функции стало активно употребляться в российской лингвистической литературе с начала 90-х годов; лингвокультурологическое наполнение этой лексемы продолжила статья акад. Д.С. Лихачева, опиравшегося в ней на взгляды С.А. Аскольдова-Алексеева» – справедливо указывает С.Г. Воркачев [13; 27].

Лингвокультурологические исследования ввели важное разграничение категории (понятия) и концепта [13; 14; 27; 30]. К числу «концептов», вызывающих пристальный и небезосновательный интерес, относится «травелог» [1; 2; 10; 24; 31; 32; 37].

Травелог, в этом смысле, сам является, скорее, концептом, нежели категорией (понятием). Об этом говорит сложная структура его, включающая особый коммуникативный, прагматический и семантический аспекты, в существенной степени связанные с чувственно-

образной «оболочкой» богатых ассоциативных рядов, в которых и через которые травелог «живет» в мире культуры.

Отечественными лингвокультурологическими исследованиями установлена структура концепта «травелог»: в него входят архетипические категории «Путь», «Путник», «Приключение» (подвиг). Дискурс-анализ данного концепта отчетливо указывают на целый ряд эвристически ценных для изучения этого культурно-исторического феномена аспектов – лингвистического, семиотического, институционального, кратологического, аксиологического [24; 30; 32].

Три травелога могут быть вполне законно рассмотрены в применении к жизненному и творческому пути С. Грофа: во-первых, сам непростой жизненный путь – как известно, в начале его научной карьеры ему привелось пережить крутой поворот: покинуть родину и уехать в США [20] (С. Гроф: «Изначально я прибыл в Соединенные Штаты с годичным визитом, который превратился в постоянное изгнание после ввода советских войск в Чехословакию»). Рядовое путешествие вылилось в Путь (Судьба, Жизненный Путь), став «поворотным пунктом».

Здесь ему не только удалось продолжить начатые в Праге исследования [16; 20], но и сделать весьма успешную научную карьеру и получить широкое общественное признание; во-вторых, это путь его исканий – научных и духовных, поскольку ученый тесно увязывает их между собой; наконец, в-третьих, это его исследования травелогов сознания (души), которые он, при помощи им разработанной методы, извлекает из глубин сознания и подсознания людей [20; 22]. Все три травелога связаны единством авторского повествования, позиции ученого.

Травелог – одна из самых древних форм творчества человека. Человек – существо саморассказывающее. С момента появления феномена наррации, т. е. расщепления субъективности на объектную и рефлексивную, когда человек предметом своей деятельности делает самого себя – жанр травелога невероятно дифференцировался. Рассказ (повествование)

человека о своей жизни как о некоем Пути, который он проходит от рождения до смерти – глубоко архетипичный способ раскрытия того, что есть человек и мир, человек в мире.

Во-первых, формируются основные категории (концепты): Путь, Путник, Приключение (как Преодоление Препятствия через Кризис) и Переход.

Во-вторых, неизбежно возникает проблема Начала и Конца Пути: прекращается ли Путь в этих пунктах? Путь рассматривается как существенно необходимый для формирования Путника и его представления о себе – Самопознания (Путь как Самопознание).

Кроме того: важен и такой аспект дискурса травелога: Путник постоянно движется через границы, он их постоянно пересекает – начиная с того, что скрывается «за горизонтом» (за горизонтом событий привычного нам, оседлым, мира) и кончая тем, что выступает «чужим» (Станным, странником), выходя из того запредельного мира, который внушает по меньшей мере опасения [31]. Пограничность дискурса травелога одновременно притягивает и ужасает. Человечество сегодня – в поисках ответа на вопрос «Одиноки ли мы во Вселенной?» – с затаенной надеждой окликает бездны космического пространства, посылая туда сигналы о себе, и в то же время – ужасается возможного ответа «оттуда». Мало ли кто может откликнуться: вспомним картину Н. Рериха – «Заморские гости».

Путник не просто некий «непоседа», гонимый ветром как перекасти-поле, он постоянно испытует меру, потому что все время движется у самой границы и даже за ней. Потому-то он подозрителен этой своей «чрез-мерностью». И к тому есть немалые основания: вариант Агасфера, когда Путь одолел Путника и стал нескончаемым, непрерывным скольжением, томлением духа, в котором очень даже способны обесцениться (обессмыслиться) любые константы (границы), непреложности, релятивизация которых только через призму романтизма может восприниматься как универсальная ценность. Скольжение, неостановимое – это безразличие, пустота: видимость содержательности и наполненности при столкнове-

нии со все новым и новым – оборачивается безразличием к переживаемому содержанию. Как у М. Лермонтова «Герой нашего времени» непрерывно влечется куда-то в неведомую даль и не замечает, что движется он по руинам привязанностей, душевных контактов, сопереживаний и сочувствий, так, что даже самые толерантные и терпеливые сочувствователи ему теряют всякие душевные силы сочувствовать и сопереживать ему. Максим Максимович в сокрушении сердечном разводит руками и уже не в силах сочувствовать Печорину.

В-третьих, универсальность схематизмов Травелога (основывающаяся как раз на его архетипичности) и предельно разнообразная наполняемость содержания данных концептов (Пути, Путника, Приключения).

Окидывая общим взором творчество С. Грофа, мы видим, что он широко использует термин и жанр травелога для описания разнообразных феноменов психической жизни (и своего творческого пути), не находящих, по его мнению, адекватного (эвристически продуктивного) отображения в традиционных категориях естественнонаучно ориентированной (а тем более механистической) психологии. Благодаря использованию концепта травелога он заостряет постановку проблемы:

– как и куда необходимо пойти, чтобы установить, где находится сознание («За пределами мозга») [16];

– проходя путь исследователя, странствуя по глубинам бессознательного, определить, наше ли оно («Картография областей бессознательного») [17];

– начинается ли, прекращается ли жизненный путь сознания с рождением и смертью («Величайшее путешествие») [20; 22];

– все ли нетривиальные состояния и феномены сознания (или шире – психического), встречаемые на этих путях, могут быть подведены под категорию Патологии [16; 18; 22]?

На ранних этапах его творчества определенные симпатии вызвали методологические установки С. Грофа: он заявлял о стремлении максимально придерживаться парадигмы научной рациональности, избегать поспешных утверждений [17, с. 11, 14] («Клинические

исследования ясно показали, что ЛСД сам по себе не оказывает на депрессию никакого четкого фармакологического действия, которое могло бы быть использовано терапевтически, и этот подход был оставлен... Похоже, что на сегодняшний день ЛСД терапевты, в основном, сходятся во мнении, что терапевтический исход сеансов ЛСД критически зависит от факторов нефармакологического плана (экстрафармакологические переменные)), слишком вольных обобщений [15, с. 64], легковесных обольщений, за которые, как хорошо известно, впоследствии приходится дорого расплачиваться [19, с. 5].

Но выдержана ли им самим необходимая в этих рискованных странствиях степень самокритичности, объективной достоверности? Не превалирует ли субъективное желание над объективными результатами, когда Гроф вынужден признать: «*Почти все* специалисты, изучавшие действие психоделиков, пришли к заключению, что их лучше всего рассматривать как ускорители или катализаторы ментальных процессов. Вместо того, чтобы вызывать типичное медикаментозное состояние, они, *видимо*, активизируют предшествующие матрицы или потенциалы человеческого ума. Под действием этих препаратов человек переживает не «токсический психоз», по существу никак не связанный с функциями психики в нормальном состоянии, а фантастическое внутреннее путешествие в собственное бессознательное и сверхсознательное» [16, с. 24]. Но вместо того, чтобы рассеивать туман «видимости», он как заклинание повторяет мантру о «кризисе ньютоно-картезианской парадигмы». Несколько странно, мягко говоря, для ученого делать такой переход от фиксации галлюциногенных переживаний пациентов/подопытных – к обвинению науки в методологических пороках, мимоходом объявляя, что «Участник ЛСД-сеанса может ощущать себя единичной клеткой, эмбрионом и галактикой».

Все-таки в своих ранних работах («Картография областей человеческого бессознательного» и «За пределами мозга») он был более осторожен в своих оценках по-

лученных результатов: «Достижения психологических исследований, конечно, не могут противоречить фундаментальным законам физики и химии» [16, с. 48].

Хотя по прошествии немалого времени Гроф проговаривается, что швейцарская фирма Sandoz (изучавшая производные от сильнейшего алкалоида – спорыньи), еще не имея на руках сколько-нибудь основательных исследований последствий действия ЛСД-25 на психику, уже тем ученым, кому она бесплатно раздавала препарат с просьбой получения результатов проверки, писала: «В приложении к образцам, предоставляемым компанией Sandoz, была небольшая записка, которая коренным образом изменила мою личную жизнь и профессиональную карьеру. В ней говорилось, что это вещество может быть использовано как революционный, нетрадиционный обучающий инструмент для профессионалов, занимающихся душевным здоровьем пациентов-психотиков» И тогда же Гроф проникается почему-то возникшей уверенностью, что при помощи этого вещества сможет лучше понять психику больных «и в результате более успешно их лечить» [18, с. 15].

С. Гроф постоянно и безапелляционно утверждает, что «Многие из великих духовных систем (*религиозных, мистических* – В.Р.) являются продуктом многовекового углубленного изучения человеческой психики и сознания, и в этом они во многом сходны с научными исследованиями. Эти системы дают подробные указания относительно методов вызова духовных переживаний, на которых они основывают свои философские теории. Достоверность систематически накопленного материала обычно подтверждается многовековым опытом, что и требуется для обеспечения достоверных и надежных знаний в любой области научных исследований... Особенно примечательно, что утверждения различных школ вечной философии теперь могут быть подкреплены данными современных исследований сознания» [18, с. 15]. Возникает правомерный вопрос: чего здесь больше? Научной добросовестности или все-таки мечты об обретении долгожданного

«синтеза» любой ценой? Так ли уж все здесь совпадает и связывается?

Тем большее разочарование постигает жelaющего вместе с автором разобраться в новых «фактах»: «Пришлось также покончить с самообманом насчет того, что существуют некие разумные объяснения этим данным, несмотря на мою неспособность представить эти объяснения в самых безудержных фантазиях» [16, с. 28]. И такими сентенциями заполнены многие страницы книг С. Грофа. С таким же успехом можно «аргументировать» эти рассуждения ссылками на сюжеты К. Кастанеды или фильма «Матрица».

Примечательна стилистика аргументации Грофа: весьма характерны для него постоянные выражения «нет причин не допускать этого», «вполне возможно допустить», «это несомненно будет доказано», «вероятно, такую точку зрения можно допустить с большой натяжкой» и т. п. Понятно, что категория «научного факта» окончательно устарела для Грофа и он освободил себя от пут этого реликта вконец «одряхлевшей» науки: «Хотя в настоящее время невозможно прямым и понятным способом связать понятия современной физики с исследованиями сознания, эти параллели поразительны» [16, с. 47].

С. Гроф утверждает с огромной силой личной убежденности, что «... хотя в таких состояниях мы *не можем положиться на свои суждения* по обычным практическим вопросам, на нас может буквально обрушиться поток удивительной новой информации, касающейся великого множества других моментов. *Нас могут посетить глубокие психологические прозрения, проливающие свет на нашу личную историю, на бессознательные силы, которые движут нами, на наши эмоциональные затруднения и межличностные проблемы*» [18, с. 24]. Но так ли мы можем быть уверены в том, что это не просто «поток» (информационный шум), а действительно «глубокие прозрения, проливающие» и т. п., – тем более, что на деле «мы не можем положиться» на подобные суждения, даже если это бескорыстные «прозрения». И, разумеется, совсем нет никакой уверенности, что эти «прозрения» действительно проливали

хоть какой-то свет на их собственную природу. Вряд ли здесь стоит обольщаться. Взвесим реальную стоимость всех этих многочисленных «прозрений» и «откровений»: куда больше это объясняется играми психики с самой собой, часто с единственным смыслом – хоть как-то выжить там, где выжить нельзя.

Гроф убеждает читателя в том, что за всем сказанным им стоит мощная эмпирическая база: «На протяжении моей профессиональной карьеры я лично провел свыше *четырёх тысяч* психоделических сеансов с такими веществами, как ЛСД, псилоцибин, мескалин, дипропилтриптамин (ДПТ), метилendiоксиамфетамин (МДА), и присутствовал *на более чем двух тысячах* сеансов, проведенных моими коллегами. Значительная часть пациентов, участвовавших в этих сеансах, страдала различными эмоциональными и психосоматическими расстройствами, такими, как депрессии, психоневрозы, психосоматические нарушения, алкоголизм и наркомания» [18, с. 6]. Но вряд ли даже такие впечатляющие цифры могут «одолеть» сомнения там, где даже язык описания столь зыбок и субъективен, что насущная необходимость последующей интерпретации способна свести на нет скороспелые обобщения и утверждения.

Сам Гроф свидетельствует о том, сколь велика интерпретирующая сила предшествующей культуры и образования подопытного в истолковании этого опыта: «Меня поразило видение света огромной силы и сверхъестественной красоты. Увиденное заставило меня вспомнить те рассказы о мистических событиях, о которых я читал в *духовной литературе*, где видения божественного света сравнивались с сиянием «миллионов солнц». Мне пришлось в голову, что *это могло выглядеть как эпицентр атомного взрыва* в Хиросиме или Нагасаки. Сегодня я думаю, что это, скорее, похоже на Дхармакаю, или Изначальный ясный свет, свечение неопишуемой яркости, которое, *согласно тибетской Книге Мертвых*, «Бардо тодрол», является нам в момент смерти» [18, с. 16].

А пассажи вроде того, что «Божественное проявление забрало меня в середине серьезного

научного эксперимента, использующего вещество, созданное в пробирке химиком XX века, и проводимого в психиатрической клинике страны, которая тяготела к Советскому Союзу и управлялась марксистским режимом» [22] – и вовсе способны свести на нет ценность подобных «экспериментов»!

Мы сегодня сталкиваемся с аналогичной проблемой, казалось бы, в куда более «прочной» сфере приборного диагностирования – интерпретация «картинок», получаемых в ультразвуковой интроскопии или томографии. Тем более, что, как честно признает С. Гроф: «много лет работал с людьми, подверженными внезапным психодуховным кризисам, однако эта работа проходила не систематически, в рамках проекта, но велась от случая к случаю, как часть моей личной и профессиональной жизни» [19] (там же). Проблема ведь не в том, чтобы интегрировать бормотания неграмотного шамана и изощренного искателя «высших степеней духовности» только лишь на почве неприязни к «материалистической науке» – за этим дело, надо полагать, не станет, – а вот сформировать хотя бы общезначимый язык и достоверность фиксации различных переживаний (тем более, что автор все-таки некоторые их классы отбраковывает как патологические) было бы настоящим прорывом в науке.

Нельзя сказать, что в борьбе с «чарами устаревшего материалистического мировоззрения» автор больше воюет с продуктом собственного воображения (что и говорить, механизма самого грубого толка довольно много в областях социально-гуманитарного знания), но материализм не стоит сводить только к вульгарной реификации. Как и мистификация – она столь же эвристически бесплодна. А потому романтические грезы о том, что «Когда это новое видение космоса обретет завершенность, оно, безусловно, будет представлять собой не возврат к донаучному пониманию реальности, но целостный творческий синтез всего самого лучшего, взятого из прошлого и настоящего» – очень знакомы русскоязычному читателю: этот благодатный синтез чаял обрести в свое время В. С. Соловьев.

Конечно, можно сослаться на авторитетное мнение Юнга: «Разница между мною и большинством людей заключается в том, что для меня эти «разделяющие стены» прозрачны» [38], но, увы, эти замечательные слова, что называется, «к делу не пришьешь». Еще древние понимали разницу между знанием «по мнению» и знанием «по истине».

Пример явного «забегания» С. Гроф демонстрирует сам: «Холотропные переживания выходят далеко за пределы того, что англо-американский писатель и философ Алан Уоттс в шутку назвал «эго, заключенным в кожу». Они способны вывести нас на широкие просторы психики, которые *пока не исследованы западными психологами и психиатрами*» [19] (там же). Холотропные переживания – то прямо и очевидно свидетельствуют, то оказываются еще не исследованными. Тем более курьезно звучат утверждения: «Например, одна из важных категорий трансперсональных переживаний включает в себя *достоверные эмпирические отождествления с другими людьми, животными, растениями, а также со множеством иных аспектов природы и космоса*» [19]. Естественно, возникает вопрос как раз о «достоверности» таких эмпирических отождествлений. Очень «убедительно» звучат суждения: «воспоминания пренатальной жизни и *даже информацию о зачатии, записанную на клеточном уровне*». Все же сказывается влияние «западной материалистической науки» – хочется найти материальный носитель, на котором «записана информация». Впрочем, зачем это? Когда «духовность» просто разливается морем везде и повсюду.

И, конечно, давно и хорошо известна проблема «неизреченности» такого опыта. «Высший принцип может непосредственно переживаться в холотропных состояниях сознания, но не поддается никаким попыткам описать его или объяснить. Язык, которым мы пользуемся в повседневной жизни, просто неадекватен данной задаче» – на самом деле, мы прекрасно понимаем, что естественные языки тоже мало чем могут помочь при попытках передать смыслы и значения с одного – на другой. Но люди нашли и находят способы

делать это с возможной полнотой, а не прячутся за «невыразимость», которая становится, как всегда, ширмой для шарлатанов. Гроф не раз вынужден признавать, что «как и мое собственное мировоззрение, трансперсональная психология была уязвима для обвинений в иррациональности и ненаучности, а значит – в несовместимости со здравым смыслом и современным научным мышлением» [16, с. 2].

Тезис «разум – неадекватный инструмент для анализа трансцендентных измерений бытия и принципов, действующих на очень высоком метафизическом уровне. В конечном итоге истинное понимание этих вопросов возможно только посредством прямого личного переживания» [19, с. 23] – раз и навсегда закрывает всякую тему «анализа» (а заодно и «синтеза»), даже книжку писать не стоило!

Но мы замечаем поистине «поразительную» смесь необыкновенного доверия исследователя к словам пациентов в сеансах холотропных переживаний и столь жесткий отказ языку и разуму в их способности хоть что-то передать и осмыслить.

Обращает на себя внимание примечательный термин «неистовый поиск» (К. Гроф, С. Гроф. Неистовый поиск себя. Руководство по личностному росту через кризис трансформации) – впадая в неистовство, мы можем удалиться от истины [20].

Как раз здесь мы встречаем это поразительное смешение объективно-научного и субъективно-желаемого: «Духовное развитие это врожденная способность каждого человеческого существа к эволюции. Это движение по направлению к целостности, к раскрытию подлинного потенциала индивида. Оно является таким же общим и естественным для всех, как рождение, физический рост и смерть; это неотъемлемая часть нашего существования» [20]. Известно, что никакой «врожденной способности» тем более – «каждого человеческого существа», а тем более – «по направлению к целостности» не существует, иначе, по крайней мере, были бы принципиально невозможны так называемые «случаи (дети) Маугли». Авторы даже не замечают совершаемого ими «сальто-мортале», когда в «доказательство»

приводят следующее: «На протяжении столетий целые культуры считали внутреннюю трансформацию необходимым и желательным аспектом жизни. Во многих обществах были разработаны сложные ритуалы и медитативные практики, игравшие роль катализаторов духовного развития и способствовавшие духовному пути» [20]. Другими словами, только культурные «механизмы» (да и то в меру своего развития) катализировали и направляли эти процессы; при этом столетиями могли иметь место стагнация и деградация «духовного развития».

Авторы правильно отмечают, что «для отдельных индивидов преображающее путешествие духовного развития становится духовным кризисом, при котором внутренние изменения происходят так быстро, а возникающие состояния требуют такого напряжения сил, что этим людям в течение какого-то времени может оказаться трудно полноценно действовать в повседневной жизни» [20]. Действительно, кризисы смысло-жизненного ориентирования (так называемые «возрастные» кризисы самоидентификации) весьма болезненно переживаются индивидом. Но не менее болезненны кризисы самоидентификации различных социальных сообществ – в эпохи социальных потрясений (реформ, переворотов, войн, завоеваний, оккупаций и т. п.). И дело вовсе не в том, что требуют «напряжения сил» – силы бы напряг индивид или социум, но кризис – это когда «верхи не могут, а низы не хотят», когда «знать бы, где солому постелить». Знать бы, в каком направлении напрягать силы, но оно, увы, может быть достаточно длительное время не просматриваться (объективно!).

И, поскольку происходящее является на деле, а не только выглядит как слом старой прежней нормы, правила, образца – «чаще все происходящее с ними рассматривается как болезнь»!

Особое внимание исследователей привлекает феномен смерти, понимание ее людьми и отношение к ней. Давно замечено, что в мифологическом сознании она воспринимается как акт «перехода» [6; 8; 9; 15; 16; 18; 19; 22]. С. Гроф пристально интерпретирует ее

в терминах «путешествия» и «приключения», настаивая на необходимости интеграции в современное сознание мифологического понимания и отношения к ней (находя, например, значительный терапевтический аспект).

Многие авторы справедливо обращают внимание на явно фантастическую сторону «трансперсональной психологии»: «Читать труды теоретиков и практиков трансперсональной психологии увлекательно и интересно, как фантастические романы. Но только не как научно-фантастические, ибо науки в них просто нет, а скорее как модный жанр «фэнтези», заменивший современному человеку древние мифы», – пишет С. Степанов [36]. С. Гроф утверждает, что если личность отождествляет себя с Абсолютом или Богом, она получает объективную и реальную информацию о существовании высшего существа. Ясно, что подобные представления о сознании человека заимствованы им у восточных религиозных учений и такое интегрирование чужеродного для науки материала отнюдь не повышает ценность таких построений. Гроф часто и пространно критикует такие недостатки «традиционной» (классической) науки как редуционизм, но сам постоянно этим «грешит». Он с недопустимой легкостью пробрасывает прямые причинно-следственные связи между галлюцинаторными образами и объектами реальности на том недоказанном основании, что галлюциноген (а именно ЛСД) таковым не является, а служит всего лишь неким «предметным стеклом», помогающим установить такие связи.

Когда это сколько-нибудь корректно сделать не удастся, на помощь приходит «трансперсональное»: Абсолют, космические пришельцы и т. п., «поскольку далеко не все переживания под воздействием ЛСД можно отнести к символике перинатальных матриц, определенный класс переживаний Гроф толкует совершенно буквально. Те переживания, которые никоим образом не могут быть увязаны с опытом личности, пускай даже пренатальным и перинатальным, Гроф относит к трансперсональным, то есть выходящим за пределы личности» [36].

И еще больший урон имиджу ученого наносит постоянный поиск аргументов в области различного антинаучного шарлатанства (вроде «морфогенетического поля» Шелдрейка), ничем не подкрепленный энтузиазм в отношении идей таких авторов, как Ф. Капра («Дао физики») и др., и назойливое заклинание о том, что его наблюдения, полученные во время психоделических сеансов и сессий «холотропа», якобы ставят под угрозу материалистические представления о человеческой психике и устройстве Вселенной, основанные на ньютоновско-декартовской парадигме: «Фритьоф Капра и другие показали, что мировоззрение современной физики приближается к мистическому мировоззрению. В еще большей степени это относится к современным исследованиям сознания, поскольку они непосредственно имеют дело с состояниями сознания, как и мистические школы» [16, с. 43] (за пред. м;). Поэтому нельзя не согласиться, что «в котле грофовского мировоззрения варятся кундалини-йога, даосизм, суфизм, шаманизм, сомнительные школы современных гуру, даже дианетика Р. Хаббарда» [36].

Критики не забывают отметить и тот факт, что «в США Ассоциация трансперсональной психологии существует независимо от Американской психологической ассоциации, более того – просто не признана ею в качестве научной структуры, как и сама трансперсональная психология – в качестве науки» [36]. Заставляют задуматься и исторические обстоятельства, связанные с началом исследовательского интереса Грофа к ЛСД: «Станислав Гроф – чешский психиатр, который в начале 60-х переехал в США и нашел пристанище на благодатной земле Калифорнии. Это было то самое место, где в то время буйным цветом расцвели небезопасные эксперименты по «расширению сознания» с помощью наркотиков. Идеологами этого движения выступали местные бескорыстные энтузиасты, кумиры поколения хиппи – Кен Кизи, Тимоти Лири и Теренс Маккена, которым дельцы мирового наркобизнеса должны были бы поставить по золотому памятнику» [36].

В итоге критики ставят диагноз: «трансперсональная психология – специфически постиндустриальное явление, она несет на себе отпечаток нашей противоречивой эпохи. При всех реверансах в адрес восточной мистики, она – порождение западной интеллектуальной культуры и сугубо западного материального и духовного пресыщения. В ней переплелись и разочарование в традиционных капиталистических добродетелях, и справедливый протест против роботоподобного образа человека в традиционной науке, и очарованность восточным мистицизмом, и наивное ожидание чуда, и чисто американское стремление к простым решениям сложных проблем» [36].

Читать труды теоретиков и практиков трансперсональной психологии увлекательно и интересно, как фантастические романы. Но только не как научно-фантастические, ибо науки в них просто нет, а скорее как модный жанр «фэнтези», заменивший современному человеку древние мифы. Как известно, к этому жанру чаще всего обращаются две категории читателей – не способные к серьезному чтению в силу слабости ума и пресыщенные, ищущие увлекательной забавы для ума утомленного и разочарованного. А человек трезвый и здравомыслящий, вероятно, предпочтет держаться в равном удалении от этих крайностей» [36].

Поэтому, представляется, что С. Гроф интуитивно «нащупал» посохом своего опыта и эрудицией, что теоретически «воспарять» над кипучей преходящей эмпирией и пробрасывать «мостики» связующих смыслов между несоединимыми важными явлениями нашей психической жизни – можно лишь при помощи архетипических концептов, а не научных категорий и понятий.

Жанр травелога, на который – сознательно ли, стихийно ли, – «вышел» С. Гроф, на данном уровне достигнутых эмпирических и теоретических исследований психики показался ему наиболее содержательным и наиболее эвристически интересным, стимулирующим продуктивный поиск. И здесь именно концепт «травелога» с его архетипическими элементами (Путник, Путь, Приключение) оказывается наиболее «удобным» инструментарием

на данном этапе проникновения в сущность психического (сознательное–бессознательное). Но удобный (полезный) – увы! – не всегда адекватный. Жаль только, что С. Гроф – как «кастанедовский дон Хуан, переодетый в профессорскую мантию» [23], искренне предлагает нам фантастические «новые точки сборки», срабатывающие лишь в недрах шоу- и поп-науки: «Существование трансперсональных переживаний попирает самые фундаментальные положения и принципы механистической науки. С этими переживаниями появляются такие абсурдные на первый взгляд понятия, как относительность и произвольность всех физических границ, нелокальные связи во Вселенной, коммуникация посредством неизвестных средств и каналов, память без материального субстрата, нелинейность времени или сознание, ассоциируемое со всеми формами жизни (включая одноклеточные организмы и растения) и даже с неорганической материей. Трансперсональный опыт иногда включает события из микрокосма и макрокосма, из областей, недостижимых непосредственно человеческими органами чувств, или из периодов; исторически предшествовавших появлению Солнечной системы, Земли, живых организмов, нервной системы и вида *Homo sapiens*. Эти переживания ясно указывают, что каким-то необъяснимым пока образом каждый из нас имеет информацию обо всей Вселенной, обо всем существующем, каждый имеет потенциальный эмпирический доступ ко всем ее частям и в некотором смысле является одновременно всей космической сетью и бесконечно малой ее частью, отдельной и незначительной биологической сущностью» [16, с. 28]. Жаль, что при всех ранних осторожных оговорках относительно природы действия ДЛС и других аналогичных препаратов, Гроф ни с чем не обоснованной легкостью заключает: «Я понял, что при соответствующих условиях состояния, вызванные воздействием галлюциногенов, – куда больше, чем просто грезы, которые играют такую решающую роль в психоанализе, – действительно являются, если использовать слова Фрейда, «царским путем в подсознание» [18, с. 17].

1. Breiman, Leo; Friedman, J.H., Olshen, R.A., & Stone, C.J. Classification and regression trees. Monterey, CA: Wadsworth & Brooks / Cole Advanced Books & Software. 1984.
2. Burton Holmes, the «Father of the Travelogue» // <http://www.burtonholmesarchive.com/>.
3. Campbell, J. The Hero with a thousand Faces. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1949.
4. Campbell, J. The Masks of God. New York: Viking Press, 1968.
5. Eliade, M. Shamanism: The Archaic Techniques of Ecstasy. New York: Pantheon, 1964.
6. Grof, S. & Grof, C. Beyond Death. London: Thames and Hudson, 1980.
7. Grof, S. The Adventure of Self-Discovery. Albany, New York: State University of New York Press, 1988.
8. Grof St. The Ultimate Journey. Consciousness and the Mystery of Death, 2006.
9. Harner, M. The Way of the Shaman. New York, Harper & Row, 1980.
10. On Travelogues // <http://www.oldworldwandering.com/on-the-travelogue/>.
11. Официальный сайт Станислава Грофа. – URL: stanislavgrof.com.
12. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. 14. The Victorian Age, Part Two // VII. The Literature of Travel, 1700–1900. – URL: <http://www.bartleby.com/224/0700.html>.
13. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. – С. 276–379.
14. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
15. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. – М., 1999.
16. Гроф Станислав. За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. – М., 1994.
17. Гроф Станислав. Области бессознательного: данные исследований ЛСД. – М., 1994. Например, он вполне взвешенно резюмирует: «Я считаю, что главная причина противоречий насчет ЛСД терапии это недостаток понимания природы действия ЛСД и отсутствие правдоподобных и приемлемых концептуальных рамок, которые могли бы свести огромное количество наблюдаемых данных к определенному общему знаменателю» (с. 25).
18. Гроф Станислав. Когда невозможное возможно. Приключение в необычных реальностях. Издательство Трансперсонального проекта. Издательство К. Кравчука. Издательство АСТ, 2007.
19. Гроф Станислав. Космическая игра / Пер. с англ. Ольги Цветковой – М.: Изд-во АСТ. – 256 с.
20. Гроф Станислав. Путешествие в поисках себя: измерения сознания и новые перспективы психотерапии и внутреннего исследования. – М., 1995.
21. Гроф Станислав. Холотропное сознание. – М., 1996.
22. Гроф Станислав. Человек перед лицом смерти. Космическая игра: исследование рубежей сознания. М., 1997 (совместно с Дж. Хэлифакс).
23. Даниленко В. П. Инволюция в науке: психологические квазинауки // <http://old.islu.ru/danilenko/articles/>

psyhkvazi.htm.

24. Дискурс травелога. Сб.статей. Екатеринбург, Ред.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. – Екатеринбург: ИМС-УрФЮИ, 2009.

25. Книги Станислава Грофа в электронном виде.

26. Книги Станислава и Кристины Гроф на сайте Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии.

27. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ, 1983. Т. 52, № 1. С. 3–9.

28. Молчанов Ю. Дышите, дышите Шура, они золотые // www.t-room.ru/holotropnoe.html.

29. Пономарев Е.Р. «Прощай, Европа!». – Саарбрюкен, 2011, Его же. Типология советского путешествия. – СПб, 2011.

30. Русаков В.М. Архетипические категории (концепты) в дискурсе травелога // Дискурс-Пи: научный журнал. Вып. 9–10. – Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2010. – с. 209–210.

31. Русаков В.М. Дискурс травелога: словари и справочники как изречение неизреченного // Дискурс-Пи. Дискурс глобальных социокультурных коммуникаций. Вып. 8. – Екатеринбург, Ин-т философии и права УрО РАН, 2009. – С. 29–33.

32. Русаков В.М. Многообразие видов и жанров травелога // Дискурс-Пи: научный журнал / учредитель Уральское отделение РАН, Институт философии и права. Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи». – 2013, – вып. 11–12. – с. 304–306.

33. Русаков В.М. Пути в незнание: рационализация иррационального в дискурсе травелога // Дискурсология: Методология. Теория. Практика. Доклады Третьей международной научно-практической конференции. Том 1. – Екатеринбург, 2008. – с. 53–55.

34. Русакова О.Ф. Дискурс травелога // Дискурс-Пи: научный журнал. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», Вып. 10. – с. 204.

35. Русакова О.Ф., Ишменев Е.В. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Серия «Дискурсология». Вып. 1. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2006. – С. 39–54.

36. Степанов С. Услада слабых и пресыщенных. Мифы и мифы трансперсональной психологии // http://psy.1september.ru/2001/39/4_5.htm.

37. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интер-текстах. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.

38. Юнг К.-Г. Воспоминания, сны, размышления. Перевод: В. Поликарпов. – Мн.: ООО «Харвест», 2003.

1. Breiman, Leo; Friedman, J.H., Olshen, R.A., & Stone, C.J. Classification and regression trees. Monterey, CA: Wadsworth & Brooks / Cole Advanced Books & Software. 1984.

2. Burton Holmes, the «Father of the Travelogue» // <http://www.burtonholmesarchive.com/>.

3. Campbell, J. The Hero with a thousand Faces. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1949.

4. Campbell, J. The Masks of God. New York: Viking Press, 1968.

5. Eliade, M. Shamanism: The Archaic Techniques of Ecstasy. New York: Pantheon, 1964.

6. Grof, S. & Grof, C. Beyond Death. London: Thames and Hudson, 1980.

7. Grof, S. The Adventure of Self-Discovery. Albany,

New York: State University of New York Press, 1988.

8. Grof St. The Ultimate Journey. Consciousness and the Mystery of Death, 2006.

9. Harner, M. The Way of the Shaman. New York, Harper & Row, 1980.

10. On Travelogues // <http://www.oldworldwandering.com/on-the-travelogue/>.

11. Официальный сайт Станислава Грофа. – URL: stanislavgrof.com.

12. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. 14. The Victorian Age, Part Two // VII. The Literature of Travel, 1700–1900. – URL: <http://www.bartleby.com/224/0700.html>.

13. Askol'dov S.A. Koncept i slovo // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. M., 1997. – S. 276–379.

14. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoy paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki. – 2001. – № 1. – S. 64–72.

15. Gennep A., van. Obryady perexoda. Sistematischeskoe izuchenie obryadov. – M., 1999.

16. Grof Stanislav. Za predelami mozga: rozhdenie, smert' i transcendenciya v psixoterapii. – M., 1994.

17. Grof Stanislav. Oblasti bessoznatel'nogo: dannye issledovaniy LSD. – M., 1994. Naprimer, on vpolne vzveshenno rezyumiruet: «Ya schitayu, chto glavnyaya prichina protivorechij naschet LSD terapii e'to nedostatok ponimaniya prirody dejstviya LSD i otsutstvie pravdopodobnyx i priemlymyx konceptual'nyx ramok, kotorye mogli by svesti ogromnoe kolichestvo nablyudaemyx dannyx k opredelennomu obshhemu znamenatelyu» (s. 25).

18. Grof Stanislav. Kogda nevozmozhnoe vozmozhno. Prikladyeniye v neobychnyx real'nostyax. Izdatel'stvo Transpersonal'nogo proekta. Izdatel'stvo K. Kravchuka. Izdatel'stvo AST, 2007.

19. Grof Stanislav. Kosmicheskaya igra / Per. s angl. Ol'gi Cvetkovej – M.: Izd-vo AST. – 256 s.

20. Grof Stanislav. Puteshestvie v poiskax sebya: izmereniya soznaniya i novye perspektivy psixoterapii i vnutrennego issledovaniya. – M., 1995.

21. Grof Stanislav. Xolotropnoe soznanie. – M., 1996.

22. Grof Stanislav. Chelovek pered licom smerti. Kosmicheskaya igra: issledovanie rubezhej soznaniya. M., 1997 (sovmestno s Dzh. Xe'lifaks).

23. Danilenko V.P. Involyuciya v nauke: psixologicheskie kvazinauki // <http://old.islu.ru/danilenko/articles/psyhkvazi.htm>.

24. Diskurs traveloga. Sb.statej. Ekaterinburg, Red.: O.F. Rusakova, V.M. Rusakov. – Ekaterinburg: IMS-UrFYU, 2009.

25. Книги Станислава Грофа в электронном виде.

26. Книги Станислава и Кристины Гроф на сайте Ассоциации трансперсональной психологии и психотерапии.

27. Lixachev D.S. Konceptosfera russkogo yazyka // IAN SLYa, 1983. Т. 52, № 1. С. 3–9.

28. Molchanov Yu. Dyshite, dyshite Shura, oni zolotyie // www.t-room.ru/holotropnoe.html.

29. Ponomarev E.R. «Proshhaj, Evropa!». – Saarbryuken, 2011, Ego zhe. Tipologiya sovetskogo puteshestviya. – SPb, 2011.

30. Rusakov V.M. Arxetipicheskie kategorii (koncepty) v diskurse traveloga // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal. Vyp. 9–10. – Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2010. – с. 209–210.

31. Rusakov V.M. Diskurs traveloga: slovari i spravochniki kak izrechenie neizrechenogo // Diskurs-Pi. Diskurs global'nyx sociokul'turnyx kommunikacij. Vyp. 8. – Ekaterinburg, In-t filosofii i prava UrO RAN, 2009. – S. 29–33.
32. Rusakov V.M. Mnogoobrazie vidov i zhanrov traveloga // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal / uchreditel' Ural'skoe otdelenie RAN, Institut filosofii i prava. Pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi». – 2013, – vyp. 11–12. – s. 304–306.
33. Rusakov V.M. Puti v neznaemoe: racionalizaciya irracional'nogo v diskurse traveloga // Diskursologiya: Metodologiya. Teoriya. Praktika. Doklady Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Tom 1. – Ekaterinburg, 2008. – s. 53–55.
34. Rusakova O.F. Diskurs traveloga // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», Vyp. 10. – s. 204.
35. Rusakova O.F., Ishmenev E.V. Kriticheskij diskurs-analiz // Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyj analiz. Seriya «Diskursologiya». Vyp. 1. Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2006. – S. 39–54.
36. Stepanov S. Uslada slabyx i presyshhennyx. Miry i mify transpersonal'noj psixologii // http://psy.1september.ru/2001/39/4_5.htm.
37. E'tkind A. Tolkovanie puteshestvij. Rossiya i Amerika v travelogax i inter-tekstax. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
38. Yung K.-G. Vospominaniya, sny, razmyshleniya. Pervod: V. Polikarpov. – Mn.: OOO «Xarvest», 2003.

UDC 1 (091) + 16

A TRAVELOGUE OF THE SOUL OF S. GROF: FROM SCIENCE TO CREED

Rusakov Vasili Matveevich,

Institute of international relations,
Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

A comparative analysis is subjected to various stages of the creative ways now widely known psychologist and philosopher of Art. Grof, resolutely invading the range of methodological problems of contemporary knowledge and offering a number of innovations in the understanding of the psyche, consciousness, unconscious, scientific and nonscientific knowledge. Scientific and educational society was impressed by his manner thoughtful researcher, connecting the sharpness of the theoretical insights with thorough technological practice. The name Grof is now associated with «the cartography of the human unconscious», the practice of «holotropic breathwork», projects organic compounds rational-theoretical and esoteric ways of knowing, «transpersonal psychology». At the same time, the evolution S. Grof from accepted in the scientific world ethos careful critical assessment of how the phenomena of non-scientific knowledge and results of esoteric practices and psychological experiments – to a wide and inevitably loose generalizations and arbitrary assumptions is puzzling and alarming to the scientific community. Newly adepts «holotropic» breathing and «expansion of consciousness» are starting to give «transpersonal psychology» features a sectarian creeds which can easily «fold» the science and esoteric practices, quantum physics and religious-mythological consciousness. The obvious way is to discredit the image of a serious scientist that made in the scientific field, S. Grof, the transformation of the first careful attempts to study such a delicate matter as the psyche and the unconscious – in pop-science, show business, in indulging the baser tastes of the marginalized sections of society.

Key words:

psyche, consciousness, the unconscious, psychology, transpersonal psychology, holotropic breathwork, esoteric and mythological consciousness.